

[Главная](#) > "Империя голого человека"

"Империя голого человека"|"The Empire of a Nude Man"

Автор: NG, Москва-Женева, 14. 10. 2013.

Захар Прилепин

«Сноб» и «Наша Газета» представляют литературный проект [«Швейцарское письмо/Русское прочтение»](#). Предлагаем вашему вниманию рецензию писателя Захара Прилепина на роман Кристиана Крахта [«Империя»](#). Ждем ваших комментариев.

|
"Snob" and "Nasha Gazeta.ch" present a literary project "Ecriture suisse/Lecture russe". Zakhar

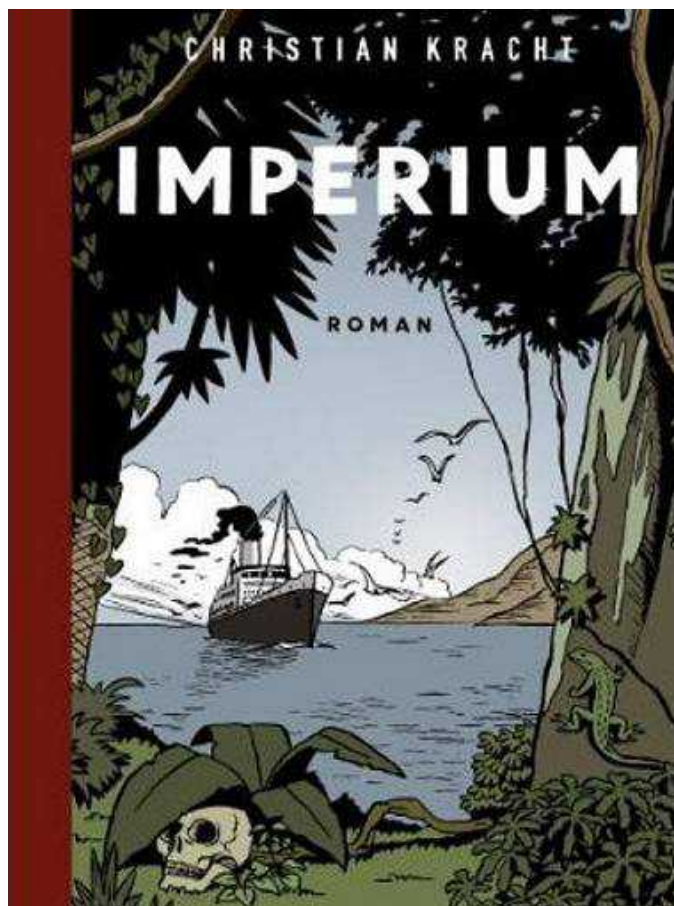
Prilepin wrote a review on Christian Kracht novel "Imperium". We are looking forward to reading your comments.

Раздался протяжный гудок – ту-тууу! – и пароход «Принц Вальдемар», – крахт, крахт, крахт, – пошёл, пошёл, пошёл в своё плавание.

На пароходе плывёт Август Энгельхардт из Нюрнберга – бородач, вегетарианец, нудист – он держит путь в Новую Померанию, чтобы купить землю для кокосовой плантации.

У Августа идея – он хочет преобразить человечество, которое погрязло в мерзости и враждебности. Сам он решил отказаться от всех продуктов питания, есть только кокосы (стать кокофагом), и всему остальному человечеству преподать пример подобной жизни. Человечество как раз собирается начать Первую мировую войну, чтоб затем, не насытившись, с небольшим перерывом перейти ко Второй мировой.

Впрочем, до этих ужасных дней Августу предстоит пережить множество приключений (его неоднократно обманут, обворуют, жестоко изобьют, попытаются склонить к мужеложеству, потом будут убивать, ещё он заболеет проказой; короче, в принципе, вам должно быть интересно) и съесть огромное количество кокосов.

Пред нами – реинкарнация приключенческого и даже плутовского романа: только плут здесь не главный герой, а мир вокруг него. Энгельхардта на пути к эпилогу ожидает немало преград, это почти «Робинзон Крузо», или, скажем, «Остров Сокровищ», только вместо Робинзона – наш голый Энгельхардт на своём острове (Пятница у него, кстати, тоже имеется), а вместо сокровищ – его, как в России бы сказали, обновленчество, его вселенская идея.

Человек интеллигентный, прочтя предыдущий абзац и пока не знающий, кто такой Крахт (Крахт – это автор романа), может решить: «Дам старшему сыну почитать эту книжку...» – но,

стойте, ловлю я этого читателя за рукав... Подождите!

Совсем забыл предупредить, что это роман на немецком языке. В некотором смысле это – немецкий роман.

О, эти немцы! Мы помним, как они любят труд. Труд читателя, например. Конечно, если ваш сын уже читает «Волшебную гору» Томаса Манна и получает от этого удовольствие – то дайте ему и Крахта. Однако переход от Стивенсона к Крахту будет куда сложнее.

Этот роман – эту тачку, гружёную тяжёлым слогом, ненарочитым авторским сарказмом, аллюзиями и ременисценциями, медленным, но твёрдым течением мысли, богатым словарём – её надо везти самому. В неё нельзя, как в случае классического приключенческого романа, усесть на первой же странице и покатиться до самого финала. Нет-нет, вы сами будете, упираясь и потев, двигать тачку (роман) в гору. Крахт тоже сидит в этой тачке и, кажется, относится к вашему труду совершенно равнодушно. Благо, роман небольшой.

...Не большой, но второе же предложение романа состоит, я сосчитал, из 56 слов, и это даже не заявка на некоторое осмысленное излишество – Крахт так дышит, так пишет, так думает.

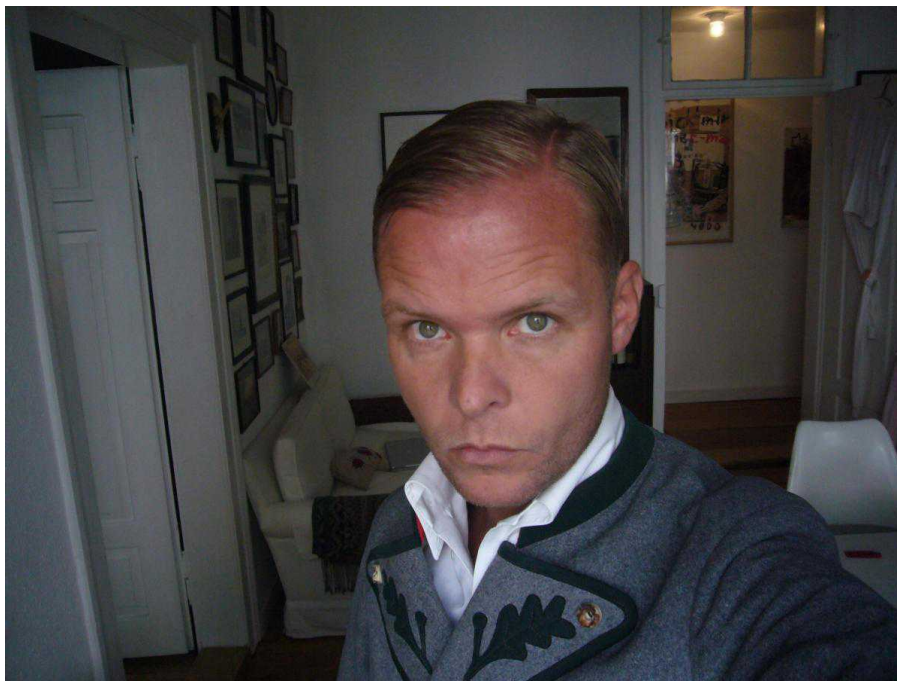
Энгельхардт, наконец, добирается до своего острова, и вот навскидку, фрагмент абзаца из романа по этому поводу. Читайте и следите за авторской рукой.

"Он выпрыгнул из каноэ в воду, прошлепал по воде остающиеся до берега метры и рухнул на колени в песок – так сильно его потрясло увиденное; черным гребцам в лодке, а также горстке туземцев, которые с флегматичным любопытством собрались на берегу (один, будто передразнивая себя и свою расу, даже воткнул в нижнюю губу осколок кости), Энгельхардт, наверное, представлялся в этот момент благочестивым священником, совершающим перед ними молитву; у нас же, людей цивилизованных, эта сцена скорее ассоциировалась бы с живописным полотном, изображающим высадку конкистадора Эрнана Кортеса на девственные берега острова Сан-Хуан-де-Улуа, – полотном, написанным совместно (будь такое возможно) Эль Греко и Гогеном, двумя художниками, которые своими экспрессивными рваными мазками сумели бы придать коленопреклоненному завоевателю Энгельхардту аскетичные черты Иисуса Христа".

Нравится?

Ну, давайте тогда ещё ложечку.

"Вот они уже опустились на песок, и теперь флюид их гибкой подвижности застопоривается, превращается в автоматические телодвижения, которые, если смотреть со стороны, напоминают ритмичное дерганье абсурдной человеко-машины: эти двое похожи на сцепившихся полуголых кукол, которые, лежа на земле, завершают спастический парный танец; луна освещает оба подпрыгивающих полушария – покрытые светлым пушком ягодицы Лютцова, – и время от времени до губернаторской резиденции доносится стон (хотя ветра, как будто, нет)".

Лирического чувства, как вы уже поняли по этому «изысканному» описанию сексуального акта, автор лишён начисто – только сатирическое, пародийное, но не простонародно-пародийное, а профессорское: изысканное уже без кавычек.

Крахт, как мастер своего дела (а он мастер своего дела) скорее всего может писать как угодно (или почти как угодно), но ему самому явно нравится кататься в своей тачке.

В романе нет ни одного диалога, товарищи двоечники. Все диалоги пересказывает автор, перемолов их в тяжеловесных абзацах.

От такого плотного текста, конечно же, можно (и даже, думаю, должно) получать удовольствие – вы же уже прочитали позднего Набокова, да? Эту выращенную в пробирке прозу гениального стилиста, интеллектуала, шахматиста, филологического забавника. Ну, так вот и Крахт прочитал Набокова.

Читатели его романа уже заметили, что имя одного из персонажей, появляющегося на последних страницах романа – Киннбоота – выспрашивающего у Энгельхардта сведения о его жизни, перекликается с именем персонажа романа Набокова «Бледный огонь» – Чарльза Кинбота.

Хотя дело, говорю, вовсе не в Киннбооте или Кинботе, а в том, что профессорский роман Крахта требует достойных студентов в собеседники (если, конечно, не собственно профессоров и коллег по ремеслу).

Кристиан Крахт

Повествовательная интонация Крахта может иной раз показаться невыносимо занудной, но за всем этим учёным багажом, естественно, скрывается непрестанная игра: герои носят имена персонажей комиксов (в России неизвестных, поэтому никто не заметит), мимоходом появляется Томас Манн (неназванный) и Джек Лондон (названный). Художник Эмиль Нольде – так вообще один из героев. Все они, как вы уже поняли, не случайны для автора – хотя для самого повествования вовсе не обязательны.

Роман нарочито старообразен, как будто только что кончилось Средневековье, и начинается

Просвещение, и Крахт пророк его – просто в данном случае всё наоборот: Просвещение, едва начавшись, и, увы, не сделав человечество умнее на пути прогресса, полным ходом, как пароход – крахт, крахт, крахт – движется к новому Среднековью с его кострами и казнями на площадях, с его толпами, людоедством, тиранами, воплями невинных и грохотом кованых сапог.

Да, там есть модернистская (впрочем, многократно использовавшаяся до Крахта) манера – когда повествованию придаётся некая кинематографичность: даже не в виде киноглаза или принципа монтажа, нет – а совершенно прямолинейная: Крахт периодически расставляет камеры, определённым образом наводит свет, усаживает героя, чтоб его было удобно рассмотреть, и обо всём этом прямым текстом сообщает читателю.

Но это, повторюсь, модернизм уже достаточно старообразный, и когда Крахт выставляет камеру и свет, сильно чувствуется, что участники съёмочной группы родом из десятых годов прошлого века, и снимают на огромные бобины, и камеры стрекочут, как тысяча жуков, или кого там.

Продолжение на [сайте "Сноб"](#).

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
